„Чѣмъ я владѣю, то я могу считать своей собственностью, если только данная вещь нужна для моего потребленія; но если я владѣю вещью мнѣ ненужной, то какъ я могу удерживать ее у себя, хотя бы она и была создана моимъ трудомъ?“

Жилище человѣка будетъ, въ извѣстномъ смыслѣ, такъ же неприкосновенно, какъ и теперь: никому не придетъ въ голову занимать мое жилище, когда всякій можетъ имѣть свое собственное. „Но не будетъ ни замковъ, ни запоровъ, каждый будетъ имѣть право пользоваться моими орудіями труда, если только этимъ не дѣлается помѣхи моей работѣ. Намъ, не привыкшимъ къ такому строю, сейчасъ же представляются споры и пререканія, которыя въ этомъ случаѣ возникнутъ. Но на самомъ дѣлѣ никакихъ споровъ возникать не будетъ, такъ какъ всѣ они порождаются чрезмѣрнымъ и завистливымъ себялюбіемъ. Тебѣ нуженъ мой столъ? Приготовь его себѣ самъ. Или, если я искуснѣе тебя, я готовъ его тебѣ сдѣлать. Тебѣ столъ нуженъ немедленно? Сравнимъ, кто въ немъ больше нуждается, и тогда рѣшимъ по справедливости“.

Конечно, въ царствѣ будущаго не исчезнетъ раздѣленіе труда. Каждый будетъ занятъ той работой, къ которой онъ будетъ чувствовать всего больше склонности. Но такъ какъ склонности различны, то люди будутъ выдѣлывать разныя вещи. Но они отнюдь не будутъ обмѣниваться ими такъ, какъ теперь. Каждый будетъ свободно брать у другого то, что ему нужно, если, конечно, тотъ, у кого берутъ, самъ не нуждается въ своемъ продуктѣ. Въ основѣ обмѣна будетъ лежать не себялюбіе, а любовь къ ближнимъ. Каждый будетъ охотно работать на другого и потому съ такой же свободой пользоваться работой другого.

Таковъ былъ общественный идеалъ Годвина. Нашъ утопистъ исходитъ не только изъ предположенія, что вся душевная природа человѣка испытаетъ глубочайшее преобразованіе — что любовь къ ближнему вытѣснитъ окончательно въ душѣ человѣка всѣ своекорыстныя чувства — но и изъ предположенія не менѣе глубокаго преобразованія техники, которое даетъ возможность человѣку своими единоличными силами исполнять самыя трудныя работы. Только, когда осуществятся оба эти условія, наступитъ, по мнѣнію Годвина, царство справедливости — полной свободы и отсутствія какого бы то ни было насилія человѣка надъ человѣкомъ.

Анархическій идеалъ Годвина не встрѣтилъ отклика среди современниковъ и никакого общественнаго движенія не вызвалъ. Анархизмъ, какъ общественное движеніе, ведетъ свое начало отъ писателя значительно болѣе поздней эпохи, Прудона [1]). Прудонъ, также какъ и Годвинъ, признаетъ добровольное соглашеніе людей единственно допустимой формой общественнаго сотрудничества. Поэтому, онъ отвергаетъ всѣ формы историческаго государства, всѣ виды правительства безъ различія. Демократія — владычество народа въ лицѣ большинства — есть для Прудона такое же царство насилія, какъ и монархія. Правительство и вообще насиліе необходимо въ обществѣ лишь потому, что экономическія силы общества неорганизованы, не согласованы другъ съ другомъ. Но если только люди, путемъ добровольныхъ договоровъ, достигнутъ согласованности общественнаго труда, то и надобность въ какомъ бы то ни было вмѣшательствѣ принудительной общественной власти, въ какомъ бы то ни было правительствѣ, совершенно исчезнетъ. Есть только два коренныхъ общественныхъ начала: начало свободы и начало авторитета. Правительство основывается на авторитетѣ, и это начало проникаетъ всякую форму государства. Общество будущаго должно отказаться отъ этого начала и всецѣло основаться на началѣ свободы.

Всякое правительство, какую бы форму мы ему ни придавали, неизбѣжно враждебно народной свободѣ. Всеобщее голосованіе отнюдь не ограждаетъ народной свободы; наоборотъ, оно является вреднымъ самообманомъ народа, такъ какъ народъ думаетъ, что, вручая власть своимъ избранникамъ, онъ остается владыкой своихъ судебъ. Но это ошибка. На самомъ дѣлѣ, избранники народа немедленно дѣлаются его повелителями, какъ это доказывается всей новѣйшей исторіей.

Потому нужно стремиться не къ улучшенію формы правленія, а къ уничтоженію какого бы то ни было правленія. Къ этому ведетъ ходъ исторіи и только непониманіе этой истины заставляетъ человѣчество истощать свои силы въ безплодныхъ революціяхъ.

Итакъ, будущій, анархическій строй общества долженъ всецѣло покоиться на началѣ свободнаго договора. „Дѣйствительно, если бы я могъ заключить договоръ со всѣми людьми такимъ же образомъ, какъ я теперь заключаю договоръ по поводу отдѣльнаго предмета съ нѣкоторыми, если бы всѣ могли возобновлять эти договоры, если бы любая группа гражданъ, общинъ, союзовъ, обществъ, могла возникать на основаніи подобнаго же договора, и разсматривалась какъ особая договаривающаяся личность, то всѣ могли бы заключать

[1]) Пьеръ Жозефъ Прудонъ (1809—1865), сынъ мелкаго городского ремесленника, является однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей французскаго социализма. Ему принадлежитъ, между прочимъ, знаменитая фраза „собственность есть кража“, иначе говоря, что всякая собственность есть результатъ насилія и грабежа бѣдныхъ людей. Прудонъ написалъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ книгъ, изъ которыхъ особенно извѣстны его книги о собственности и „Экономическія противорѣчія или философія нищеты“ (1847). Прудонъ былъ талантливымъ журналистомъ, былъ одно время народнымъ представителемъ въ палатѣ депутатовъ и много разъ сидѣлъ въ тюрьмѣ.

соглашенія со всѣми; моя личная воля какъ бы умножалась во много разъ. Господство свободныхъ соглашеній на мѣсто господства законовъ было бы истиннымъ господствомъ человѣка и гражданина, истиннымъ владычествомъ народа революціи“.

Все это станетъ, по мнѣнію Прудона, возможнымъ, если будетъ осуществлена предложенная имъ реформа существующаго хозяйственнаго строя. Задача этой реформы должна заключаться въ организаціи безпроцентнаго кредита и мѣнового обращенія товаровъ безъ посредства денегъ.

Для этой цѣли Прудонъ предлагаетъ слѣдующее. Въ настоящее время производители страдаютъ отъ недостатка средствъ производства, капитала, и отъ трудности сбыта, продажи товаровъ. Но вѣдь сбытъ труденъ не потому, что товаръ никому не нуженъ. Масса населенія страдаетъ отъ недостатка нужныхъ ей продуктовъ; но ей не на что купить эти продукты, она лишена необходимыхъ для этого денегъ. Съ другой стороны, и капиталовъ имѣется достаточно, но собственники капитала не уступаютъ его безъ дани въ свою пользу, процента. Потому слѣдуетъ организовать безденежный обмѣнъ товаровъ и безпроцентное полученіе капитала.

Долженъ быть устроенъ особый мѣновой банкъ, который будетъ выдавать товаропроизводителямъ безпроцентныя ссуды, но не деньгами, а своими билетами, которые будутъ приниматься всѣми кліентами банка вмѣсто денегъ. При установленіи размѣра ссудъ, будетъ приниматься въ соображеніе цѣна изготовленнаго товара; цѣна эта должна опредѣляться не спросомъ и предложеніемъ, какъ теперь, а трудомъ производства Каждый товаропроизводитель, получившій билеты банка, можетъ обмѣнять ихъ на любой другой товаръ, производимый кліентами банка. Такимъ образомъ, товаропроизводители будутъ свободно обмѣниваться при помощи банковыхъ билетовъ своими продуктами, а такъ какъ ссуды будутъ безпроцентными, то исчезнетъ и капиталистическая прибыль.

Когда операціи банка охватятъ все народное хозяйство, всѣхъ товаропроизводителей страны, то, при посредствѣ билетовъ банка, можно будетъ купить всевозможные товары и, слѣдовательно, всякія иныя деньги совершенно исчезнутъ изъ обращенія. Весь народохозяйственный обмѣнъ будетъ совершаться черезъ посредство банка, безъ всякаго насилія надъ производителями и къ общей выгодѣ всѣхъ. Всѣ будутъ свободны производить то, что желаютъ, и всѣмъ будетъ обезпеченъ, въ соотвѣтствіи съ общественными потребностями, сбытъ произведенныхъ товаровъ.

Итакъ, анархическій общественный строй въ представленіи Прудона тѣсно связывается съ опредѣленной организаціей товарообмѣна безъ посредства современныхъ денегъ. Какъ бы мы ни оцѣнивали положительное значеніе построеній Годвина и Прудона, имъ нельзя отказать въ ясности и опредѣленности. Мы знаемъ, чего хотѣли эти представители болѣе ранней анархической теоріи. Къ сожалѣнію, того же отнюдь нельзя сказать о новѣйшихъ представителяхъ анархизма — слишкомъ уже неясны, туманны и противорѣчивы въ своихъ подробностяхъ ихъ планы будущаго общественнаго устройства.

Крупнѣйшимъ изъ современныхъ анархистовъ является, безспорно, Левъ Толстой. Но Толстой, будучи несомнѣннымъ анархистомъ по своимъ общественнымъ идеаламъ, не можетъ считаться теоретикомъ анархизма и потому мы оставимъ его въ сторонѣ. Изъ теоретиковъ современнаго анархизма выдѣляется силою ума, талантомъ и разностороннимъ знаніемъ русскій Кропоткинъ [1]).

Кропоткинъ принадлежитъ къ тому направленію анархизма, которое онъ самъ опредѣляетъ, какъ анархическій коммунизмъ. Этимъ онъ существенно отличается отъ Прудона, который не стоялъ на почвѣ коммунизма и считалъ необходимымъ сохраненіе частной собственности отдѣльнаго лица на произведенія его труда. Напротивъ, Кропоткинъ отвергаетъ какую бы то ни было частную собственность и какое бы то ни было право рабочаго на его трудовой продуктъ. Этому послѣднему праву онъ противопоставляетъ право каждаго на существованіе, достойное человѣка.

Кропоткинъ считаетъ совершенно ненужнымъ какую бы то ни было принудительную организацію общественнаго труда. Противоположное мнѣніе кажется ему просто укоренившимся предразсудкомъ. Обыкновенно думаютъ, что безъ принудительной власти невозможна никакая сложная общественная организація. Но такъ ли это? Не видимъ ли мы множество примѣровъ весьма сложныхъ организацій, которыя существуютъ лишь на основаніи совершенно свободнаго соглашенія участниковъ. Такой характеръ, по необходимости, имѣютъ всѣ организаціи, выходящія за предѣлы одного государства — напр., всемірный почтовый союзъ или организація международнаго желѣзнодорожнаго сообщенія, и та и другая организація охватываетъ сотни тысячъ и милліоны рабочихъ и требуетъ величайшей согласованности

[1]) Князь Кропоткинъ, изъ древняго княжескаго рода (род. въ Москвѣ въ 1842 г.). Воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, затѣмъ сдѣлался офицеромъ. Перейдя на сторону народа и примкнувъ къ революціонерамъ, онъ былъ арестованъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ 1876 г. онъ бѣжалъ за границу. Въ 1882 г. за анархическую пропаганду онъ былъ посаженъ во Франціи въ тюрьму, гдѣ и просидѣлъ около 4 лѣтъ. Въ настоящее время постоянно живетъ въ Лондонѣ. Кропоткинъ издалъ цѣлый рядъ выдающихся книгъ и извѣстенъ не только какъ писатель по общественнымъ вопросамъ, но и какъ географъ и натуралистъ.